

# После коронавируса: от оптимизированного старого к новому миру?

© Мартьянов В. С., Фишман Л. Г.

© Martyanov V., Fishman L.

После коронавируса: от оптимизированного старого к новому миру?

After the coronavirus: from an optimized old to a new world?

**Аннотация.** Рассмотрены наиболее вероятные социальные, экономические и политические последствия ситуации с коронавирусом как триггера общественных изменений, назревших в глобальном и локальном масштабах. Усилившиеся в связи с ней системные экономические и политические сбои для своего решения требуют возврата в центр экономической мысли проблем политической экономии. Показано, что в ближайшей перспективе мы увидим скорее не строительство нового мира, а оптимизацию показавших несостоятельность неолиберальных практик и теорий. Но в конечном счете неолиберальный порядок будет оптимизирован до неузнаваемости усиливающимися ценностными и институциональными альтернативами.

**Annotation.** The article considers the most probable social, economic and political consequences of the coronavirus situation as a trigger for social change on a global and local scale. Arising systemic economic and political disruptions require a return to the center of the economic theory of the problems of political economy. The author concludes that in the near future we will more likely see not a construction of a new world, but optimization of inadequate neoliberal practices and theories. Ultimately, the neoliberal order will be optimized beyond recognition by the increasing value and institutional alternatives.

**Ключевые слова.** Пандемия, коронавирус, неолиберализм, экономический мейнстрим, политическая экономика, БОД, рентное общество.

**Key words.** Pandemic, coronavirus, neoliberalism, economic mainstream, political economy, basic income, rental society.

## 1

Реакция подавляющей части государств на коронавирус катализировала все наметившиеся направления изменений в структуре глобального общества, экономики, социальных технологий и управленческих приоритетов. Вместо привычного для рыночного мейнстрима экономического дискурса о факторах роста ВВП обсуждается только глубина

Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта Института философии и права УрО РАН № 18-6-6-9 «Фундаментальные проблемы правовой и морально-политической регуляции современных обществ в национальном и глобальном аспекте».

МАРТЬЯНОВ Виктор Сергеевич — врио директора Института философии и права УрО РАН, доцент, кандидат политических наук.

ФИШМАН Леонид Гершевич — главный научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, профессор РАН, кандидат политических наук.

глобального падения и длительности рецессии. Все ключевые общественные решения в ситуации форс-мажора становятся исключительно политическими, законы саморегулируемого конкурентного рынка магическим образом обнуляются. Математизированный экономический мейнстрим, который ранее пытался обосновать свою независимость от политики, терпит очевидное поражение, столкнувшись с доминирующим влиянием внеэкономических факторов, которые он до недавнего времени просто игнорировал в своих редукционистских формулах [16].

Как изменится общество? Как далеко зайдут и в какую реальную цену обойдутся меры, принятые правительствами ради спасения экономик, здоровья и благосостояния граждан? Не станут ли разного рода преференции малому бизнесу в России или Европе, раздачи денег, налоговые льготы гражданам и корпорациям теми *временными мерами*, которые останутся всерьез и надолго? Насколько достаточными они являются [5]? Насколько острой будет объективная потребность в реанимации откровенно социалистических мер и госрегулирования, без которых, как многие полагают, из данной ситуации вряд ли удастся выбраться [20]? Мы исходим из того, что обычно адекватно предсказать можно лишь уже имевшиеся прецеденты, да и то со многими оговорками. В частности, не следует экстраполировать социальный опыт эпидемий прошлого на сегодняшний день, поскольку, как резонно замечает В. Шейдель, «пандемии, о которых нам известно, по времени довольно далеки от нас, и они затронули общества в основном с аграрной экономикой, сильно отличающиеся от современных» [12]. Точно так же не стоит ожидать от нынешних событий и повышения уровня жизни после них — хотя бы потому, что «в наши дни количество работников сильно избыточно, а ресурсы — ограничены. И коронавирус — не эпидемия» [9].

Проблема коронавируса — по большей части не медицинская проблема. Исторический опыт подсказывает, что эпидемии следует рассматривать как разновидность чрезвычайных ситуаций, а в прогнозировании их последствий разумно исходить из имеющейся на них реакции общества и государства. Последняя, в свою очередь, обусловлена ограниченным для данной эпохи *окном возможностей*. И так же важны те ресурсы *здоровой социальности*, благодаря которым они могут эффективно пережить критическую ситуацию: «если у людей есть крепкие связи друг с другом и противопоставление чему-то вовне (так было в Гонконге), то в случае эпидемии связи становятся еще более плотными. Возникают добровольческие движения, дружины, службы оперативного реагирования. В ситуациях, где и так высокая степень разобщенности, эпидемия усиливает эту ситуацию: люди перестают выходить из дома и не хотят встречаться с кем-либо... Второй параметр связан с тем, кому вы доверяете: друзьям, СМИ, государству» [6].

Иными словами, не столь важно, что болит у людей, важно, какие социальные болезни были выявлены болезнями физическими и иными масштабными чрезвычайными ситуациями, опасными для жизни миллионов. В этом смысле исключительно правы были те, кто великие эпи-

демии прошлого вроде чумы XIV в. или сифилиса XV—XVI вв. считали *божьим наказанием за грехи*. И меры, принятые по поводу эпидемий прошлого, — это меры борьбы скорее не с ними, а с индивидуальными и общественными пороками, которые облегчили их распространение. То же можно сказать и по поводу тотальных войн XX в., которые выявили слабые места нуждавшихся в сплоченности обществ и повлекли за собой многочисленные и разноплановые социальные меры для их предотвращения в будущем.

Принятые социальные меры быстро и достаточно сильно меняют облик обществ. Как замечает Ю. Харари, во время чрезвычайных ситуаций решения, которые раньше были бы приняты после долгого обсуждения, принимаются за считанные часы, причем вне зависимости от степени их зрелости. «Незрелые и даже опасные технологии вводятся в эксплуатацию», а «целые страны становятся подопытными морскими свинками», ибо не предпринимать вообще ничего — еще хуже. При этом нередко временные меры «имеют неприятную привычку переживать чрезвычайные ситуации, особенно потому, что на горизонте всегда скрывается новая чрезвычайная ситуация» [33].

Со всем этим трудно поспорить, но зададимся вопросом: насколько впопыхах предпринятые решения и распространяющиеся социальные практики действительно являются неожиданными и новаторскими?

Прежде всего, *чрезвычайные ситуации не выводят на поверхность каких-то принципиально новых социальных практик, ценностей, идеологий, технологий, неизвестных до кризиса, и не выявляют новых социальных пороков*. Поэтому, в частности, рассуждения о том, что «коронавирус вскрыл гнилую суть либеральной идеологии», равно как и том, что «западная идеология эгоизма и гедонизма не способна эффективно противостоять серьезным угрозам обществу» [14], бессмысленны. Никакая идеология не способна противостоять вирусу, — тут нужны медицина и административные меры. Чума XIV в. привела к росту авторитета светской власти, ослаблению крепостного права, изменению структуры сельского хозяйства, повышению стоимости рабочей силы, буму городов и женской эмансипации, сравнительно терпимому отношению к ересям, демократизации церкви. Эпидемия сифилиса породила гораздо более строгую сексуальную мораль, нежели бытовавшая прежде, ее ограничения дожили до наших времен; иногда говорят о том, что именно сифилису мы обязаны протестантизмом и даже капитализмом. Опыт мировых войн во многом породил современное социальное государство.

Но кто возьмется утверждать, что *изобретение* распространившихся моральных норм, социальных и производственных технологий, общественных отношений было следствием эпидемий? Нет, все это было известно и ранее и лишь стало более востребованным. Замена барщины оброком, рост значения животноводства, христианское целомудрие и христианская же веротерпимость, наконец, внедрение социальных гарантий и государственного регулирования экономики — все это

и многое другое не являлось новациями. Эти технологии, нормы, социальные практики и отношения просто получили большее распространение, чем прежде, перейдя из области маргинального в сферу общепринятого.

Реакция на чрезвычайную ситуацию сама по себе никогда *не является принципиально новой*. Эта реакция скорее ведет к *оптимизации* старых социальных практик путем внедрения практик также не новых, но экспериментальных, локальных, маргинальных, внезапно оказывающихся востребованными обществом и временем. С этой точки зрения мы уже имели дело с оптимизированным феодализмом после чумы, оптимизированным позднесредневековым обществом после сифилиса, оптимизированным индустриальным капитализмом после мировых войн и испанки. И теперь в первую очередь нам следует ожидать оптимизации современных обществ, исходя из доступного им коридора возможностей.

С этой точки зрения — чего следует ожидать с высокой степенью вероятности? Что может быть и, скорее всего, будет оптимизировано? Как скорректируются общественные приоритеты и коллективные практики, положение разных социальных групп и идеологическая картина мира современных обществ?

## 2

*Прежде всего, политическая реакция большинства правительств на Covid-19 оказалась несоразмерно чувствительной и неадекватной в сравнении с его возможными социальными последствиями, а также подверженной прямому влиянию массовой истерии, слухов, хайпа, соцсетей и СМИ.* Выяснилось, что политические элиты не имеют стратегических планов действий в случае форс-мажора. Горизонт планирования в последние десятилетия невелик и не рассчитан на резкие изменения в жизни социума.

Более того, оказалось, что современное общество, которое привыкло считать, что знает все и обо всем в *режиме реального времени* (что подтверждают, например, повсеместные счетчики заболевших, излечившихся, умерших, создающие иллюзию подобного знания), на самом деле как никогда ранее поддается манипуляциям. Информационные потоки легко создают тенденциозные и искаженные картины реальности, формируются огромные *слепые зоны*, когда, например, Азия, Африка или Латинская Америка полностью выпадают из активной российской информационной повестки. Избирательная концентрация внимания на отдельных элементах информационной повестки ведет к политическим решениям, масштабирующим искаженные информационные картины на реальные управленческие приоритеты.

Проявленный пандемией механизм формирования информационной повестки свидетельствует о *росте автономного значения СМИ, Интернета, социальных сетей* в качестве все более важных регуляторов общественной жизни и трансляторов ценностных приоритетов, с кото-

рыми вынуждены считаться, а иногда и просто следовать в их фарватере политические элиты современных обществ.

Дисциплинарные режимы противодействия эпидемии тоже наткнулись на специфику пространственной реальности городского общества. Малогабаритные городские квартиры больших городов оказались не предназначены для длительного пребывания в них под *домашним арестом* (в «самоизоляции») в полном составе семьи. Принудительное безделье провоцирует ослабление здоровья от малоподвижного образа жизни, психологическую усталость, пьянство, агрессию, бытовое насилие, рост числа семейных ссор, разводов и т. д. [3]. Указанные издержки строгого дисциплинарного режима миллионов граждан по своей цене многократно превосходят прямые и косвенные экономические и психологические потери населения от коронавируса.

Международное медицинское сообщество сразу обратило внимание на неадекватность планов и действий правительств, поддерживающих массовый политический психоз глобального масштаба и несоизмеримых с возможными реальными угрозами пандемии коронавируса. Выдвигаются аргументированные предположения, что Covid-19 не искажает существенным образом статистику глобальной смертности от пневмоний [32]. Звучат призывы к срочному смягчению неоправданно жестких массовых мер, предпринимаемых правительством против распространения Covid-19 [35]. Подвергается сомнению статистика числа заражений, а также масштабов абсолютной и относительной смертности от коронавируса. Все это позволяет предполагать, что реальная смертность от коронавируса в масштабе не средних и тяжелых случаев, требующих госпитализации больных, но от числа всех зараженных значительно меньше, чем представляется: не более 1% от общего числа инфицированных, что не обнаруживает принципиального отличия картины осложнений коронавируса от известных штаммов гриппа [34]. Медицинские специалисты из Стэнфорда тоже полагают, что летальность Covid-19 сильно искажена избирательностью тестирования [29].

*Представляется, что бурная политическая реакция на коронавирус во многом объясняется тем, что он стал тем легитимирующим триггером, который позволяет осуществить давно назревший пересмотр преобладающего представления, что рынок все еще лежит в основе как национальных, так и глобальной экономики, а не отодвинут фактически на периферию, замещен на практике многообразными вне рыночными или только маскирующимися под рыночные дистрибуциями. Рынки и действующие на них субъекты, особенно малого и среднего бизнеса, неожиданно обнаружили свое периферийное положение в системе приоритетов национальной и глобальной экономики, чьи политические правила функционирования диктуются государствами. Представляется, что наблюдаемый кризис рыночной саморегуляции, который, как оказалось, можно разрешить только политическими и антирыночными методами, приведет к фундаментальному переосмыслению господствовавшей метафоры вечно растущего, равновесного и саморегулируемого рынка.*

Повсеместно субъекты частного предпринимательства обнаружили на деле, что их самооценка как айнрендовских *атлантов* более не соответствует действительности. Раньше они могли сетовать на то, что государственное вмешательство стало беспрецедентным, да и сейчас могут в очередной раз убедиться в своей правоте: формально не рынок, а правительства и президенты запретили им заниматься бизнесом. И теперь они вынуждены просить субсидий у государства. Парадокс ситуации заключается в том, что назревшие экономические проблемы неразрешимы по отдельности ни апелляциями к регулятивному потенциалу рынка, ни административным вмешательством в старом неолиберальном стиле заливания кредитными деньгами.

Экономическая мысль неолиберального мейнстрима оказалась на удивление несамостоятельной, когда привычный порядок западной гегемонии и системные сбои глобального рынка стали происходить в XXI в. все чаще. Любые неожиданные и серьезные проблемы заставляют принимать политические решения, независимые от привычных теоретических экономических постулатов. Доминирование экономического мышления в общественных науках завершается вместе с апологией саморегулирующихся рынков и капитализма. Модель *общества экономического роста*, в действительности наблюдаемого в расчете на душу населения лишь последнее 200 лет и обусловленного сочетанием быстрого технологического прогресса и глобальной экспансии капитализма, исчерпывает свой исторический потенциал [19. С. 572–573]. Концепция *пределов роста* в перспективе будущего становится все более релевантным прогнозом, поскольку последние десятилетия мировой рост обеспечивался лишь за счет наращивания *кредитного навеса* глобальной экономики, которая производила больше, чем человечество способно потратить за такую цену [18].

*Назрел пересмотр эффективности кредитной модели функционирования экономики, ориентированной на постулат о бесконечном экономическом росте и превращающей ее в спекулятивную финансовую пирамиду.* Многолетний рост ради роста за счет увеличения числа проблемных заемщиков (граждан, фирм, стран) превращает мировую экономику в гигантскую спекулятивную пирамиду. Пирамида асимметричного экономического обмена между центром и периферией однажды рухнет полностью, поглотив десятилетия стероидного экономического роста, осуществлявшегося после отмены золотого стандарта (1971 г.) в пользу немногих бенефициаров. Статистика подтверждает, что реальная покупательная способность средней почасовой оплаты труда в США практически не растет с 1970-х гг. Поэтому рост американской экономики для большинства *людей труда* в указанный период является не более, чем фикцией [31].

«Доллар... является мировой валютой потому, что США выступают покупателем и кредитором of the last resort — т. е. как раз благодаря открытости и безбашенности, которую в России или Китае считают фактором

риска. Огромный долларový “навес” является условием стабильности: американское правительство всегда может занять в собственной валюте, а потом рассчитаться в ней же... При этом, чем больше долларов будет находиться в обороте (в том числе и из-за всяких “количественных смягчений”), тем ниже будет цена заимствований — и тем большей окажется степень свободы американских финансовых властей» [8].

Иными словами, мы имеем дело с самой успешной и долгосрочной глобальной финансовой пирамидой в мире после отмены золотого стандарта, которая привязана к многомиллиардным кредитам. В частности, американское правительство выдало одобренный конгрессом кредитный портфель для борьбы с последствиями пандемии в размере 2,2 трлн долларов. Эти деньги возникнут путем нажатия нескольких компьютерных клавиш, материализующих на электронных счетах крупнейших банков многомиллиардные кредитные линии, которые банки затем переведут конечным заемщикам. Там возникнут новые долговые обязательства правительства США, которые в дальнейшем можно будет продлевать неопределенное количество итераций, постоянно расширяющих долларový оборот.

Стоит отметить, что спасение американской экономики от кризиса к кризису обходится все дороже. Если благополучно забытый *план Полсона* в кризис 2008 г. по спасению «слишком больших, чтобы рухнуть» банков и кредитных организаций США, обошелся в 700 млрд долларов [30], то пандемия коронавируса уже требует вливания триллионов долларов с непредсказуемой эффективностью для стабилизации экономики.

Однако любая финансовая пирамида гибнет от дефолта при достижении пределов расширения клиентской базы и кредитной экспансии. В настоящее время ведущие экономики мира реанимируют искусственной кредитной накачкой под *нулевой процент*, составляющей в странах ЕС от 5 до 20% ВВП, в США — 10,7% ВВП. Очевидно, что большая часть этих средств не будет возвращена никогда. Это полностью противоречит неолиберальным принципам саморегуляции, заключающимся в том, что в кризис проблемные, неконкурентоспособные фирмы должны обанкротиться и уйти с рынка. Однако стратегические политические планы и приоритеты всех ведущих стран в условиях пандемии коронавируса полностью опровергают аксиомы экономического мейнстрима. Более того, столь резкое и рекордное со времен Второй мировой войны падение производства в США и ЕС заставляет задуматься о том, что реальный объем *мусорных работ*, количество *потенциально банкротных* производств, *лишних товаров* и *факультативных услуг* слишком велик, чтобы считать оценку ведущих экономик мира соразмерной стоимости их реальных материальных и интеллектуальных активов.

Представляется, что по мере ослабления военно-политической гегемонии США и пропорционального сокращения доли американской экономики на глобальных рынках доверие к доллару как резервной валюте будет снижаться. В этом дополнительно заинтересованы все растущие незападные центры глобального влияния, стремящиеся

к диверсификации глобальной валютной корзины. Диверсификация ослабит возможности западных гегемонов выстраивать иерархию глобальной экономики в своих интересах с помощью долговых обязательств, эмитированных в долларах или евро и открепленных от стоимости реальных экономических активов конкретных политических сообществ.

## 4

*На фоне щедрой стратегии западных стран многие поспешили упрекнуть российские элиты в скудости экономической помощи, которую они оказали гражданам и частному бизнесу.* Представляется, что подобные претензии сами по себе противоречивы. Рынок периодически выбивает из игры самых слабых конкурентов, что считается нормой. В периоды кризисов проигравших, не имеющих доставочных запасов прочности, становится больше. Однако оставшиеся в рынке фирмы выигрывают, наращивая свою долю и обслуживая увеличившийся объем потребительского спроса. В этой ситуации возникает вопрос: почему российское государство за счет остальных налогоплательщиков должно спасать малые и средние *негосударственные* предприятия и фирмы, оказавшиеся *опасно* закредитованными, осуществляющими на *заемные* средства *рисковую* предпринимательскую стратегию, не обладающими собственными достаточными *активами* и потому *не готовыми* к сколь-нибудь серьезным *вызовам*? К тому же если в США, Великобритании, Германии, Китае, Индии малый и средний бизнес генерирует порядка 50–60% ВВП, то в России его место и относительная доля в экономике гораздо скромнее [1]: в 2017 г. малый и средний бизнес генерировали 21,9% ВВП [23]. Соответственно, всеобщие меры по спасению мелкого и среднего бизнеса, сводимые в Европе и США к массовой раздаче кредитов, объективно не столь актуальны для российской экономики и ее структуры занятости, в которой господствует бюджетный сектор и аффилированные с ним производства.

Даже такие последовательные критики современной России, как В. Иноземцев, признают, что российское общество подошло к ситуации пандемии и падения цен на нефть с неплохими макроэкономическими показателями: «Совершенно неверным было бы считать, что Россия не готова к кризису. Если сравнивать показатели ее бюджета (демонстрировавшего в 2018–2019 годах рекордные профициты), объем государственного долга (14,4 триллиона рублей, или менее 14% ВВП), действующую процентную ставку центрального банка (6% годовых, вдвое выше инфляции) и наличие резервов, которые вместе с непотраченными средствами федерального и региональных бюджетов составляют 17,7 трлн рублей, или около 16,9% ВВП, с показателями любой из развитых стран, где бюджетные дефициты составляли в прошлом году 3–4% ВВП, госдолг мало где удастся удерживать на уровне ниже 100% ВВП, а процентные ставки снижать уже некуда, так как они близки к нулю, то Россия действительно выглядит тем “островком стабильности”, над словами

о котором россияне привычно смеются» [7]. Другое дело, что массовые рентные раздачи, если таковые начнутся, как правило, осуществляются в России в пользу тех крупных игроков и лоббистов, которые в реальности менее других нуждаются в подобной помощи от государства.

Далее, Россия часто сравнивается критикующими публицистами с ведущими странами, эмитирующими мировые резервные валюты (доллары, евро), которые идут по пути наращивания своих долговых обязательств. Но во-первых, рубль не является столь сильной валютой, чтобы расширять его обращение без угрозы быстрой девальвации, когда в итоге проигрывают все. Во-вторых, быстрая кредитная накачка лишь *откладывает во времени* накопившиеся структурные проблемы давно не растущих и закредитованных экономик Запада с неадекватно раздутым потребительским спросом, но не решает их. Свежий кредитный навес лишь готовит почву для еще более сильного обрушения, которое будет вызвано новым случайным триггером. Поэтому непопулярный *здесь и сейчас* отказ российского государства от массовой поддержки малого и среднего бизнеса может в долгосрочной перспективе оказаться стратегически правильным решением. Это оздоровит экономику в контексте реальных потребностей и приоритетов общества, а также позволит сохранить резервы и не увеличивать сомнительную долговую нагрузку государственного бюджета на поддержку неустойчивых бизнес-структур, расплачиваться за которую рано или поздно придется всему населению.

Тем не менее, инвективы по поводу социально безответственного, неправомерно рискованного, опасно закредитованного малого и среднего бизнеса не всегда правомерны как минимум потому, что предшествующая государственная политика хотя бы в области налогообложения сама сделала его таким. Продуктивнее поставить вопрос иначе. Дело не в том, поддерживать или не поддерживать малый бизнес, а в том, каким образом обеспечить платежеспособный спрос и рабочие места. Рабочих мест малый и средний бизнес дает много, — по данным проекта «СберДанные», 18,3 млн рабочих мест в России, или четверть (25,6%) [9]. Замечательно, если будет найден альтернативный поддержке малых бизнесов способ сохранить платежеспособный спрос населения. При этом очевидно, что для достижения этой цели выплаты пособий по безработице, даже повышенных до размеров МРОТ, далеко не достаточно. Еще замечательнее, если после пандемии и кризиса правительство найдет способ трудоустроить миллионы потерявших работу, вынудив, как фокусник из шляпы, давно обещанные *25 млн высокотехнологичных рабочих мест*. Если же таких способов не будет предложено, то соблазн последовать примеру США и Европы останется в силе.

## 5

*Намечается поворот от спекулятивного стимулирования экономики к модели естественного роста.* Экономический рост никогда не является тем благословенным приливом, который *поднимает все лодки*.

Его результаты могут несправедливо и неравномерно распределяться в пользу меньшинства, в то время как большинство будет продолжать беднеть даже при росте ВВП. Более того, если этот рост осуществляется в кредит, то вероятные последствия и издержки краха фондовых индексов, кризисов перепроизводства и падения экономики опять-таки ударят по большинству, которое потеряет работу, не сможет выплатить кредиты, обесценит свои активы, в то время как реальные бенефициары на вершине пирамиды искусственного стероидного роста получают и прибыли, и экстренную помощь государства.

*В грядущем обществе без явного экономического и демографического роста, а также потребности в массовом труде привычная модель быстрого кредитного роста не будет востребована.* Кредитная теория денег ориентирована только на модель бесконечного роста. Эта модель в условиях достижения технологических, товарных, демографических, экологических и иных пределов развития все интенсивнее обнаруживает свой чисто спекулятивный характер, подтверждаемый чередой перманентных кризисов глобальной экономики XXI в. Падение потребности в кредитах одновременно снижает или обнуляет процентную доходность вкладов в банках, которые превращаются лишь в место хранения активов. Собственно, вся посредническая банковская система оказывается в своей массе не у дел, поскольку все банковские счета граждан и фирм, как и операции с ними, могут контролироваться без посредников исключительно силами центробанков разных стран.

Общество без экономического роста имеет неявные выгоды. Это отсутствие критической массы *токсичных долгов* физических лиц и компаний, грозящих циклическими кризисами перепроизводства. Вклады по депозитам компенсируются отсутствием инфляции; более того, стоимость денег на счетах может увеличиваться в результате дефляции, когда, например, тот же товарный объем ВВП в результате совершенствования технологических цепочек производится с меньшими затратами. В условиях достижения нового глобального равновесия, связанного с приостановкой модели спекулятивного роста, физическим лицам и фирмам для долговременного, медленного и стабильного развития будет достаточно собственных ресурсов и прибылей, в крайнем случае, капитализации активов через акционирование. Собственно, в подобной модели человечество и существовало всю историю, за исключением последних 200 лет географической экспансии капитализма, которые постулированы экономическим мейнстримом в качестве *естественной нормы*, но в долгосрочной перспективе могут оказаться *затянувшимся отклонением*.

В более радикальном варианте рентно-сословного общества как альтернативы рыночному капитализму могут быть отменены все налоги за исключением прогрессивного налога на собственность граждан и юридических лиц, который будет способствовать модели сохранения активов через их вложение в прибыльные предприятия, т. к. любая пассивная собственность будет со временем сокращаться. В подробном виде

такая модель стимулирования экономической активности в некапиталистическом обществе была изложена в утопической концепции *третьей империи* М. Юрьева [28].

## 6

*Наметилось усиление морально-политической регуляции всех общественных процессов.* Государства, способные к форсированной и плановой мобилизации инфраструктурных и людских ресурсов, оказались более подготовленными к пандемии (Китай, Южная Корея, Япония, Тайвань и др.). Наоборот, западные общества, ставящие в иерархии приоритетов автономию личности выше ее безопасности, ценящие публичные пространства, свободу перемещений, саморегулируемые рынки, оказались менее подготовлены к эффективным коллективным действиям и чиновников, и граждан. Однако было бы слишком наивно напрямую переносить преимущества дисциплинарных государств и мобилизационных экономик в мирную жизнь без войн, пандемий и иных форс-мажорных ситуаций, когда преимущества, связанные со способностью к быстрым и системным ответам на неожиданные внешние вызовы, вновь оказываются в спящем состоянии, уступая место более гибким и многообразным технологиям социальной регуляции.

*Вместе с тем наблюдается снижение доверия к важным элементам западной мягкой силы* — к различным глобальным рейтингам в области экономической устойчивости, свободы, здравоохранения и т. д. В очередной раз подтвердилось, что разнообразные рейтинги являются не более чем элементом *идеологического влияния* ведущих западных держав, а их учет в определении целей и приоритетов государственной политики незападных государств является как минимум признаком неадекватности.

*Все новые аргументы находятся в пользу модели социальной политики, основанной на универсальной стратегии безусловного основного дохода (БОД) для всех граждан.* БОД является все более привлекательной, простой и эффективной альтернативой разнообразным точечным мерам поддержки, возникающим в результате лоббирования частных, корпоративных и классовых интересов. Уже сейчас в Японии родителям во время закрытия школ обеспечивают базовый доход [11]. В Испании «планируется поддержать малоимущих бесплатным предоставлением коммунальных услуг, такие же меры предпринимаются и во Франции. В некоторых странах Евросоюза приостановлены выплаты по кредитам, включая ипотечные, об отсрочке по платежам заявили и крупнейшие банки Грузии» [27]. Гарантия минимального достойного уровня жизни для всех граждан позволяет отказаться как от избирательной политики дополнительного финансирования отдельных социальных групп, так и от *мусорной занятости* и устаревших предприятий, которые поддерживаются на плаву, только чтобы не допустить массовой безработицы. Это могло бы более гибко приблизить структуру экономики к реальной

конфигурации потребностей и повысить ее эффективность в их удовлетворении даже при тех же доступных ресурсах.

В условиях стагнирующей мировой экономики рыночные рабочие места будут объективно сокращаться, а государства будут вынуждены поддерживать бюджетников либо даже наращивать их количество. Экономическая эффективность умножения бюджетников сомнительна, но политически оправдана и для стабилизации социально-экономического порядка, и как переходное звено к расширению стратегии универсальной социальной политики, основанной на концепции БОД, которая все еще воспринимается массовым сознанием как слишком радикальная. При этом очевидно, что в условиях роста количества бюджетников зарплата большинства из них естественным путем будет стремиться вниз, к уровню БОД. Однако у их меньшинства, принадлежащего к сословию чиновников, динамика будет противоположной. Таким образом, будет выстраиваться более сложная и неэгалитарная дифференциация внутри и между бюджетными и рыночными социальными группами по уровню рентного доступа, регулируемого государством.

Противники БОД привычно используют устаревшие аргументы из реалий аграрного и индустриального общества, связанные с *морализацией труда*, который якобы имеет моральную, воспитательную ценность сам по себе, ведет к богу, служит источником саморазвития личности и т. д. Вся подобная риторика, особенно интенсивно выраженная в протестантской этике, служила буржуазии главным аргументом к тому, чтобы платить рабочим поменьше, пытаясь заместить часть платы благообразными христианскими максимами об *избранности* или, позже, призывами советского государства к коммунистической *сознательности* рабочих и служащих. Однако, когда наемный труд в силу объективных причин все реже становится источником жизненных ресурсов граждан, убедительность моральной критики БОД стремительно падает.

Но даже если такое *разбрасывание денег*, как БОД, останется чрезвычайной мерой, малопригодной вне кризисной ситуации, некоторые социальные практики, ранее вызывавшие скептицизм, получают гораздо большее распространение. Этому будет способствовать ограниченность мер, принятых в рамках коридора возможностей *старого мира* в связи с коронавирусом, поскольку они выявляют главные слабые места и уязвимости современных обществ. Так, американские эксперты отмечают, что «карантинные меры непременно заставят общество задуматься о неравенстве. Положение топ-менеджеров с высокой зарплатой, живущих в собственных домах и имеющих возможность работать удаленно, резко контрастирует с проблемами остальных 80% американцев, у которых нет такой финансовой подушки безопасности» [21].

*Появление коронавируса убедительно показало необходимость национализации медицины. Здоровье людей должно перестать быть предметом бизнеса и спекуляций частных медицинских компаний, работающих в рамках страховой модели.* Неравенство в доступе к качественным медицинским услугам для богатых и бедных разрушает любое

политическое сообщество. Пандемия подтвердила низкую эффективность и неоправданную дороговизну моделей медицины, ориентированных на частное и дифференцированное (в зависимости от стоимости страхования) предоставление медицинских услуг. Здесь в центре мотивации медицинских субъектов вместо здоровья пациентов находится прибыль, в том числе обусловленная непрозрачностью ценообразования для клиентов. Наконец, равный доступ всех членов политического сообщества к медицинским услугам является важным аспектом их удешевления, профилактики имущественного неравенства и обеспечения базовой общественной справедливости.

*Лавинообразно растет явная и скрытая безработица, которую уже невозможно будет отыграть обратно до привычных уровней.* Восстановление после кризиса уже не приведет к исходному уровню спроса и занятости, особенно в сфере услуг. Соответственно, растет привлекательность гарантированных рабочих мест, которые поддерживает государство, будь то хотя бы места сезонных сельскохозяйственных работников, которые освобождаются в связи с оскудением потока иммигрантов.

Назревшая оптимизация рынка труда может значительно упростить социальную структуру. Сокращение *лишних работ* усилит зависимость большинства граждан от доступа к ренте, распределяемой государством и являющейся значимой, хотя зачастую и *невидимой* долей их доходов (зарплат, пенсий, пособий, социальных выплат). Именно рентная составляющая обуславливает огромные разрывы оплаты за аналогичный по квалификации и производительности труд в разных регионах мира и даже в разных регионах одной и той же страны. А также попутно доказывает отсутствие сложившихся глобальных рынков труда, которые могли бы нивелировать радиальные уровни дифференциации в стоимости труда.

С одной стороны, российская экономика с преобладанием госсектора будет более стабильной, но с другой — малому и среднему бизнесу в целях его выживания целесообразно ослабить налоговые и бюрократические нагрузки, поскольку полное огосударствление экономики будет менее эффективно, что в свое время сразу показал опыт нэпа.

Социальные и экономические цели и издержки государственного контроля, затрагивающие жизненные ресурсы малого бизнеса, самозанятых, отходников и всех тех, кто работает *в тени*, обеспечивая трудовую занятость *помимо и вне государства*, могут вызвать закономерное отторжение у значительных социальных групп. Главный вклад этих групп в том, что они не требуют помощи от государства, наоборот, поддерживают спрос и создают услуги и товары. Своим вмешательством государство может разрушить материально-экономическую базу их существования, но вряд ли способно предложить взамен что-то существенное в плане занятости, а это чревато лишь ростом протестных настроений. Поэтому государству имеет смысл, по крайней мере, на какое-то время, *забыть о самозанятых*, воздержаться от негативного

вмешательства в экономическую повседневность и регулятивного разрушения естественно складывающихся социальных обменов и связей на низовом уровне.

*В наибольшей степени сокращается занятость в креативной сфере экономики, а занятые в ней постоянно находятся в зоне риска: «замирает» мобильность креативного класса — главного двигателя современного производства. Замирает и туризм — самая массовая экономика современного потребления. Последние годы мы наблюдали последовательное сворачивание остатков глобального мира на уровне его крупных политических частей, коронавирус, похоже, поражает теперь саму его малозаметную дыхательную систему» [15]. Правда, непонятно, какая часть ее действительно нужна, а какая является высокооплачиваемой разновидностью *мусорных работ*, порождением *неестественных потребностей*, отказ от которых нисколько не повредит обществам и индивидам.*

Поэтому вполне рационально ожидать, что многие *мусорные работы* исчезнут, ибо получит распространение приписываемая поколению миллениалов жизненная философия «жить одним днем и наслаждаться каждым мгновением этой жизни, какой бы она ни была. Не забывая при этом об ответственности, которую мы теперь несем не только за себя, но и за окружающих» [24]. Торжество этой философии будет способствовать тому, что работники, ранее занятые *бесполезным трудом*, переместятся в действительно необходимые *хорошему обществу* сферы социальной поддержки, воспитания, образования. Можно надеяться, что такого рода оптимизация, наконец, пойдет и дальше — вплоть до сознательной политики не поддерживать *сомнительную и ненужную* занятость ради *нужд экономики*. Окажется, что, быть может, лучше *разбрасывать деньги с вертолета*, чем искусственно поддерживать *мусорные работы* (bullshit jobs), создающие иллюзию полезной занятости, но являющиеся лишь бесцельной тратой времени.

## 7

Следует ожидать дальнейшего расширения сервисов электронного государства, начиная от доступа к разного рода госуслугам и заканчивая развитием *электронной демократии*. Развитие получают *онлайн-сервисы*, от электронной коммерции до телемедицины и традиционной почты, которая получает стимул использовать технологии, позволяющие снизить число возможных контактов клиентов друг с другом и с сотрудниками отделений связи [22]. Уже SARS (атипичная пневмония) дал неожиданный импульс зарождающемуся сектору электронной коммерции, когда, не желая выходить на улицу, многие китайцы начали делать покупки онлайн.

С другой стороны, электронные технологии все активнее применяются в целях дисциплинарного контроля граждан. Однако сами по себе гаджеты и технологии не программируют определенные типы

*социального устройства и соответствующие им дисциплинарные практики контроля.* Все зависит от того, кто и в каких целях использует доступные человечеству технологии. Политические элиты могут незаконно прослушивать сотовые телефоны граждан, но и родители могут через них контролировать детей. По координатам GPS можно отслеживать как перемещения оппозиции, так и просто искать пропавших людей. Уличные камеры могут использоваться как для контроля демонстраций, так и для борьбы с уличной преступностью. Граждане могут получать госуслуги онлайн, минуя возможную коррупцию. Электронные платежи экономят время и повышают безопасность, хотя и оставляют неистребимые *электронные следы* в отличие от многих видов платежей наличными. Наконец, большинству законопослушных граждан особо нечего скрывать, а спорные ситуации позволят с помощью технологий подтвердить их алиби. Поэтому технологический алармизм по поводу *большого брата*, который в режиме всепроникающего мягкого тоталитаризма будет всех контролировать, является слишком тенденциозной картинкой сложного общества. Вместе с тем азиатские общества, более ценящие безопасность, чем свободу, действительно лучше применяют дисциплинарные технологии. Но это вовсе не означает, что они на этом основании являются образом будущего или тем более универсальным образцом для других обществ.

*Несомненно, усилится тенденция распространения онлайн-образования и дистанционной занятости,* особенно там, где присутствие работника на месте давно не является необходимостью и остается отчасти данью традиции, отчасти следствием страха начальников обнаружить свою меньшую, чем прежде, востребованность. И эти страхи в целом небезосновательны, поскольку, если отдельных работников и коллективы, а также целые организации можно без заметных потерь переводить на удаленный (дистанционный) режим работы, то рано или поздно может быть поставлен вопрос о целесообразности для государства и общества существования подобных видов работ, работников и организаций. И без того до сих пор ежегодно число дистанционных работников увеличивалось на 20—30% [13. С. 163]. Сейчас же для еще большего количества работодателей, «которые все еще с недоверием относятся к возможности перевода своих сотрудников на дистанционную работу» [13. С. 163] позитивные стороны дистанционной занятости перевесят негативные.

Возможно, отнюдь не все согласятся с тем, что «новая форма труда, с которой вы познакомились, откроет такие возможности для выбора места проживания и удовлетворения тяги к путешествиям, новым знакомствам и впечатлениям, что от вашего желания вернуться в присутственное место не останется и следа». Ибо кто ж откажется от «невиданной ранее степени свободы и фантастической мобильности»? [4]. Но, вне зависимости от эмоционального восприятия, у многих просто не останется выбора, который, впрочем, не будет олицетворять резкого разрыва с прежним образом жизни. Ведь «мы и раньше-то норовили

все делать на расстоянии — покупать, дружить, любить. Но теперь этого требует здравый смысл и санинспекция. И еще вопрос, вернемся ли мы к нормальной — телесной — общительности, когда кошмар кончится» [2].

*С другой стороны, дистанционные технологии в социальных коммуникациях могут быть сильно переоценены, когда представилась возможность их широкого применения.* Госуслуги в реальности оказались ограничены слишком узким спектром, а дистанционная занятость быстро выбрала свои резервы, оказавшиеся не столь большими относительно общего числа занятых в экономике. Дистанционное обучение в полной мере проявило малопродуктивность и паллиативность, особенно для школьников. Не у всех учащихся имеются компьютеры и Интернет, не все смогли настроить и запустить соответствующие программы, не все учителя и преподаватели оказались готовы к такому формату работы. Поэтому в дистанционном варианте многие функции обучения, особенно для младших и средних классов, фактически переключаются с учителей на родителей, которые вынуждены сами заниматься учебной детей, решая домашние задания по всем предметам. Предстоит еще найти оптимальное сочетание, при котором что-то второстепенное может быть сделано детьми и учителями онлайн, но зато для чего-то важного, для индивидуального подхода, освободится больше времени оффлайн.

В целом можно предположить, что вынужденные нынешней ситуацией попытки резко расширить сферу дистанционной занятости, образования, госуслуг и пр. приведут к выявлению объективных пределов их возможностей и, что едва ли не главное, пределов их социальной, физической и моральной приемлемости. Уже сейчас выясняется (к примеру, в области школьного образования), что многие дистанционные практики казались ранее более перспективными, нежели на самом деле, именно в силу ограниченности их применения, — и только в сочетании с традиционным обучением оффлайн. Когда будут решены самые легкие технические проблемы, тогда выяснится, в какой мере мы хотим жить в оптимизированном онлайн-мире, а в какой для нашего морального и физического комфорта окажется необходимым сохранение социальных практик, основанных на непосредственном человеческом общении.

\* \* \*

Хотя описанные выше изменения приведут к очень существенным экономическим, социальным и политическим преобразованиям, это случится не одновременно. Как это обычно бывает после значительных потрясений, люди будут стремиться восстановить *все как раньше*, пытаясь сохранить возможно больше из ранее имевшегося. Поэтому в ближайшей перспективе мы увидим скорее не строительство нового мира, а оптимизацию старого — разумеется, в каждой стране по-разному. *Первым делом неолиберальный порядок начинает постигать*

*судьба, которую он сам прочил многим: он будет оптимизирован до неузнаваемости.*

Коронавирус стал неожиданным и важным катализатором для обозначения и легитимации давно назревших экономических, политических и культурных контуров новой глобальной модели *рентно-сословного общества как демографически стабильного социума без явного экономического роста и со снижающейся потребностью в массовом труде* [26]. Это общество, в котором будут доминировать механизмы социальной регуляции на уровне национальных государств, контролирующих и перераспределяющих все большую долю общественных ресурсов. Это лишь подтверждает долгосрочные тенденции увеличения доли современных государств в расходах ВВП, которая выросла в мире за последние 100 лет в среднем с 10–15% до 40–50%.

Соответственно, мейнстримное описание современных обществ как рыночных становится все менее соответствующим реальной структуре глобальной экономики, контролируемой ведущими государствами. Географические, исторические, ресурсные и технологические пределы рыночной экспансии ведут к переходу от расширения рынков к переделу их долей нерыночными, т. е. политическими и военными способами. Это будет означать закрытие национальных границ и рынков, ужесточение условий межстрановой мобильности, миграции и доступа к гражданству, усиление протекционизма, а также все более беспощадный передел доступных природных ресурсов на межгосударственном уровне. Подобный сценарий угасания рыночного капитализма задает контуры более конфликтного, неэгалитарного и опасного будущего.

Технологичная, все более автоматизированная и роботизированная экономика требует все меньшей занятости, особенно если ее освободить от кредитной накачки и искусственно провоцируемого роста *фиктивных потребностей*. *Лишним людям* становится выгоднее платить базовый основной доход, чем обеспечивать новые рабочие места. Политическое значение растущих *нерабочих* социальных групп (безработные, прекариат, самозанятые, пенсионеры и т. д.) будет падать в контексте их восприятия как социальных иждивенцев, не имеющих ни трудовой, ни военной полезности для государства. Наконец, критерии рыночной полезности социальных групп будут все чаще уступать показателю их полезности (как реальной, так и воображаемой) для государства как доминирующего общественного стратификатора и распределителя ресурсов. В подобном контексте на периферию ресурсных приоритетов общества отодвигаются самозанятые и рыночные группы населения, не аффилированные с государством [17]. Национальные сообщества пройдут период социально-политической турбулентности, когда ценность большинства граждан с экономической, военной и прочих подобных точек зрения будет близка к нулю (что ведет к дальнейшему фактическому сворачиванию демократии [25]), а критерии их социальной и в широком смысле гуманитарной ценности еще не будут в достаточной мере осознаны и сформулированы.

Всеобщее социальное обеспечение минимального уровня *достойной жизни* (ее необходимые критерии везде и всегда будут дискуссионны) в обмен на ограничение политических прав является очевидным глобальным трендом, который ведет к пересмотру механизмов низовой демократии в мире будущего в пользу более высокой степени дисциплинарной регуляции публичной, общественной жизни со стороны *большого брата*. Демократия как процесс принятия политических решений с широким участием граждан все более сводится к своей узкой модели процедурной конкуренции политических элит за голоса избирателей. И здесь пандемия лишь более рельефно и честно проявляет долгосрочные, естественные тенденции к противоречащей демократии концентрации управления сложными системами и обществами. Вместе с тем прогресс дает широкое пространство для частной, приватной жизни, где у большинства будет неизмеримо больше свободного времени, развлечений, возможностей *заботы о себе* и самореализации, которые будут конструироваться каждым человеком под свои цели и потребности. В конечном счете это станет основанием для нового понимания потребной для индивида свободы — и для осознания своей новой политической субъектности.

Сам по себе тренд сворачивания демократии не нов. В условиях глобального неолиберального капитализма он осуществлялся в пользу все более возрастающей степени олигархизации либеральных демократий. Продолжением этой тенденции (подхваченной иными политическими силами) является популистская трансформация либеральных демократий в *нелиберальные*, к попыткам правления в пользу *народа, большинства* не слишком демократическими методами. Не исключено, что потребности завтрашнего и послезавтрашнего дня обусловят дальнейшее перерождение либеральной демократии в сторону технократического и сциентистского, социально ориентированного правления в пользу осознавшего свою новую политическую субъектность большинства.

## Литература

1. Влияние экосистемы МСП на мировую экономику. — <https://tass.ru/pmef-2017/articles/4278934> (дата обращения: 14.04.2020).
2. **Генис А.** Расколотый глобус : Болезнь как метафора. — <https://novayagazeta.ru/articles/2020/03/19/84389-raskoloty-globus> (дата обращения: 14.04.2020).
3. Глава ВЦИОМа: «Элиты полагают, что избраны Богом и могут не соблюдать правила для “плебса”». — <https://www.business-gazeta.ru/article/463569?fbclid=IwAR0zfetSykhLOOK235sp3BqhquBKvxizpTz6N9QK0AbebGEaI0xQtZlurwhht> (дата обращения: 14.04.2020).
4. **Голубицкий С.** Ужас удаленки : Как развлекаться и работать из дома и не сойти с ума: инструкция от автора с двадцатилетним стажем. — <https://novayagazeta.ru/articles/2020/03/22/84448-uzhas-udalarki> (дата обращения: 14.04.2020).
5. **Деягин М. Г.** Вот вам и «удаленка» — преподавателей МГУ переводят на «голый» оклад в 16 тыс. рублей. — <https://www.km.ru/economics/2020/03/25/ekonomicheskaya-situatsiya-v-rossii/872396-mikhail-delyagin-vot-vam-i-udalenka-> (дата обращения: 14.04.2020).

6. Изменит ли уханьская угроза нашу жизнь и нас самих? Социолог о влиянии эпидемии на общество. — <https://naukatv.ru/articles/710> (дата обращения: 14.04.2020).

7. **Иноземцев В.** Год исчезающих надежд // Спектр.Пресс. 2020. 14.05. — <https://spektr.press/god-ischezayuschih-nadezhd-vladislav-inozemcev-o-tom-pochemu-rossiya-ne-sumela-vospolzovatsya-preimuschestvom-vo-vremya-krizisa-iz-za-koronavirusa-i-padeniya-neftyanyh-cen-i-chto-v-rezultate-pro/> (дата обращения: 14.04.2020).

8. **Иноземцев В.** Конец истории (сиквел). — [https://echo.msk.ru/blog/v\\_inozemcev/2616891-echo/](https://echo.msk.ru/blog/v_inozemcev/2616891-echo/) (дата обращения: 14.04.2020).

9. Исследование: малый бизнес создал в России более 18,3 млн рабочих мест. — <https://tass.ru/msp/6689099> (дата обращения: 14.04.2020).

10. **Ишханян Р.** Сергей Хестанов: «Коронавирус — это спусковой крючок мирового кризиса» : Интервью с экономистом о том, какие финансовые риски нас ждут в ближайшее время. — [http://www.chaskor.ru/article/sergej\\_hestanov\\_koronavirus%C2%A0-\\_eto\\_spuskovo\\_j\\_kryuchok\\_mirovogo\\_krizisa\\_46028](http://www.chaskor.ru/article/sergej_hestanov_koronavirus%C2%A0-_eto_spuskovo_j_kryuchok_mirovogo_krizisa_46028) (дата обращения: 14.04.2020).

11. **Казин-Франкель Дж.** Поможет ли закрытие школ замедлить распространение коронавируса? — [http://www.chaskor.ru/article/pomozhet\\_li\\_zakrytie\\_shkol\\_zamedlit\\_rasprostranenie\\_koronavirusa\\_45885](http://www.chaskor.ru/article/pomozhet_li_zakrytie_shkol_zamedlit_rasprostranenie_koronavirusa_45885) (дата обращения: 14.04.2020).

12. Как эпидемии влияют на мир. — <https://www.zakonia.ru/analytics/kak-epidemii-vlijajut-na-mir> (дата обращения: 14.04.2020).

13. **Киселева Е. В.** Развитие дистанционного труда в России: преимущества и недостатки // Известия Алтайского государственного университета : Юридические науки. 2018. № 6(104).

14. **Князев С.** Коронавирус вскрыл гнилую суть либеральной идеологии. — <https://www.km.ru/world/2020/03/19/872142-koronavirus-vskryl-gniluyu-sut-liberalnoi-ideologii> (дата обращения: 14.04.2020).

15. **Куренной В.** Конец креативной экономики? Современный мир немислим без мобильности. — <https://novayagazeta.ru/articles/2020/03/22/84452-konets-kreativnoy-ekonomiki> (дата обращения: 14.04.2020).

16. **Мартьянов В. С.** Политические пределы homo economicus // Общественные науки и современность. 2017. № 2.

17. **Мартьянов В. С.** Политические субъекты позднего капитализма: от экономических классов к ретроориентированным меньшинствам // Вестник Томского государственного университета : Философия. Социология. Политология. 2018. № 43.

18. **Медоуз Д. и др.** Пределы роста : 30 лет спустя. М. : Академкнига. 2007.

19. **Мэддисон Э.** Контурь мировой экономики в 1—2030 гг. : Очерки по макроэкономической истории / пер. с англ. М. : Изд-во Института Гайдара, 2012.

20. Неолиберализм и вирус. — [http://rabkor.ru/columns/editorials/2020/03/20/neoliberalism\\_and\\_the\\_virus/](http://rabkor.ru/columns/editorials/2020/03/20/neoliberalism_and_the_virus/) (дата обращения: 14.04.2020).

21. Посткарантинный мир. — <https://lenta.ru/articles/2020/03/23/coronavirus/> (дата обращения: 14.04.2020).

22. Почта России переводит сотрудников на «удаленку» из-за коронавируса. — <https://ria.ru/20200320/1568882048.html> (дата обращения: 14.04.2020).

23. Сектор малого и среднего предпринимательства: Россия и Мир. — <http://stolypin.institute/wp-content/uploads/2018/07/issledovanie-ier-msp-27.07.18.pdf> (дата обращения: 14.04.2020).

24. **Тюмерина М.** Хроники заражения: как пандемия коронавируса изменила наш мир. — <https://www.marieclaire.ru/stil-jizny/hroniki-zarajeniya-kak-pandemiya-koronavirusa-izmenila-nash-mir/> (дата обращения: 14.04.2020).

25. **Фишман Л. Г.** Происхождение демократии : «Бог» из военной машины. Екатеринбург, 2011.

26. **Фишман Л. Г., Мартьянов В. С., Давыдов Д. А.** Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М. : ИД Высшей школы экономики, 2019.

27. Чем опасна массовая раздача наличных в борьбе с кризисом. — <https://vz.ru/ekonomy/2020/3/24/1030353.html> (дата обращения: 14.04.2020).
28. **Юрьев М.** Третья Империя : Россия, которая должна быть. М. : Лимбус, 2007.
29. **Bendavid E., Bhattacharya J.** Is the Coronavirus as Deadly as They Say? — <https://www.wsj.com/articles/is-the-coronavirus-as-deadly-as-they-say-11585088464> (дата обращения: 14.04.2020).
30. Emergency Economic Stabilization Act of 2008. — [http://en.wikipedia.org/wiki/Emergency\\_Economic\\_Stabilization\\_Act\\_of\\_2008](http://en.wikipedia.org/wiki/Emergency_Economic_Stabilization_Act_of_2008) (дата обращения: 14.04.2020).
31. Employed full time: Median usual weekly real earnings: Wage and salary workers: 16 years and over. — <https://fred.stlouisfed.org/series/LES1252881600Q> (дата обращения: 20.02.2020).
32. **Goldschmidt P.** Coronavirus: «El pánico es injustificado», dice un virólogo argentino en Francia. — [https://www.clarin.com/buena-vida/coronavirus-panico-injustificado-dice-virologo-argentino-francia\\_0\\_yVcmJ4RM.html](https://www.clarin.com/buena-vida/coronavirus-panico-injustificado-dice-virologo-argentino-francia_0_yVcmJ4RM.html) (дата обращения: 14.04.2020).
33. **Harari Y. N.** The world after coronavirus // The Financial Times. 2020. 20.03. — <https://www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75?desktop=true> (дата обращения: 14.04.2020).
34. Interview to the Virologist Giulio Tarro: «The death rate of COVID 19 is less than 1% as confirmed by the National Institute of Allergy and Infectious Diseases». — <https://www.cybermednews.eu/index.php/it/health/70871-interview-to-the-virologist-giulio-tarro-the-death-rate-of-covid-19-is-less-than-1-as-confirmed-by-the-national-institute-of-allergy-and-infectious-diseases> (дата обращения: 14.04.2020).
35. Offener Brief von Professor Sucharit Bhakdi an Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel. — <https://swprs.org/offener-brief-von-professor-sucharit-bhakdi-an-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel/> (дата обращения: 14.04.2020). ◆